

«вслѣдствіе чего, онъ сказалъ» или «сдѣлалъ», а кто и вслѣдствіе чего поясняется двумя-тремя словами въ скобкахъ; третьи, наконецъ—хотя немногія, впрочемъ,—представляютъ просто одинъ постскриптумъ. Ясно, что еще много интереснаго матеріала остается скрытымъ подъ сѣнію дипломатической тайны. Но и въ томъ, что напечатано, достаточно указаній, чтобы съ приблизительной достовѣрностію судить, какого характера этотъ ждущій обнаруженія матеріалъ. Напримѣръ, относительно депешъ Сольмса можно почти навѣрное сказать, что въ той части ихъ, которая не предана гласности, лишь немногое касается чисто политическихъ, международныхъ дѣлъ, а большая часть относится къ дѣламъ внутреннимъ и къ частнымъ семейнымъ и придворнымъ отношеніямъ. Вопросъ о возможныхъ видахъ Екатерины на бракъ съ Понятовскимъ входитъ, конечно, и въ категорію первыхъ, но больше относится къ послѣднимъ и частію уже поэтому могъ не подлежать огласкѣ; частію же, разумѣется, и потому, что во всемъ этомъ дѣлѣ Фридрихъ тщательно держался въ сторонѣ. Онъ самъ не показывалъ и виду, что не только вѣрить, но даже и слышалъ когда-нибудь о предполагаемыхъ брачныхъ замыслахъ Екатерины. Напротивъ, онъ представлялъ это какъ ни съ чѣмъ несообразную, нелѣпую клевету, злостно измышленную врагами ея и Россіи. Официально подняла этотъ вопросъ—Порта. Порта, т.-е. держава, которая не имѣла даже посла въ Петербургъ и, по самымъ свойствамъ своимъ, по всему складу своихъ понятій и политики, была конечно послѣдней державой въ Европѣ, способной заподозрить, тѣмъ менѣе измыслить, что-либо подобное. Впрочемъ, собственно мысль-то и не приписывалась ей. Фридрихъ, какъ всегда и во всемъ первый извѣстившій о томъ Россію, объяснилъ, что Порту настроили французскій и австрійскій послы и она подъ ихъ вліяніемъ требуетъ, чтобы Понятовскій былъ исключенъ изъ списка кандидатовъ на польскій престолъ и королемъ избранъ непремѣнно женатый полякъ, а нѣтъ, такъ она будетъ вести войну. Это конечно возможно. Австрія и Франція пользовались въ то время большимъ авторитетомъ въ Константинополѣ и кому же, какъ не имъ, особенно Австріи, было напасть на мысль о политическомъ бракѣ, съ цѣлію соединить со временемъ короны на головѣ одного и того же лица. Въ данномъ же случаѣ подобный бракъ былъ бы такъ выгоденъ для обѣихъ сторонъ, такъ просто и естественно окончилъ бы, при благопріятныхъ политическихъ комбинаціяхъ, вѣковую борьбу обоехъ государствъ, что было бы удивительно, еслибъ эта мысль не мелькнула въ умѣ ея соперниковъ такъ же, какъ и самой Ека-